

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ
О КРИМИНАЛЬНОЙ
СУБКУЛЬТУРЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ****USING INFORMATION
ABOUT CRIMINAL SUBCULTURE
IN THE ACTIVITIES
OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES**

В статье дается определение уголовно-релевантной информации. Определены виды информации, которые имеют значение в деятельности правоохранительных органов (доказательственная, оперативно-розыскная, правовая, ориентирующая). Особое внимание уделено информации о криминальной субкультуре.

Ключевые слова: информация, правоохранительные органы, криминальная субкультура, криминалистика.

This article deals with the definition of information related to crimes. There are kinds of information which are important to law-enforcement activities (evidentiary, detective, legal, orienting). Special attention is paid to the criminal subculture.

Keywords: information, law-enforcement authorities, criminal subculture, criminalistics.

Расследование преступлений – это сложный процесс, особенно если эти преступления совершаются опытными преступниками, прошедшими «выучку» в местах лишения свободы. Лиц, в отношении которых была избрана мера пресечения содержание под стражей, а в качестве основного вида наказания было назначено лишение свободы, – миллионы. Это повлекло за собой распространение в обычном обществе норм, обычаев и правил поведения криминальной среды, усвоенной миллионами таких индивидов в местах лишения свободы [1, с. 3].

Криминальная субкультура является объектом исследования ученых различных отраслей знаний: социологов, психологов, криминологов. Не обошли ее своим вниманием и серьезные писатели: В. Гюго, А.И. Герцен, М.Ф. Достоевский, А.П. Чехов, В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын, С.Д. Довлатов.

¹ Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

© Кручинина Н.В., 2017.

В некоторых книгах не только анализируется и описывается криминальная субкультура, но и даются практические советы по ориентации в нормах, обычаях, обрядах, традициях, правилах поведения, входящих в тюремную субкультуру [2].

Криминальная субкультура представляет интерес и для науки криминалистики, поскольку криминалистика – это система научного знания о технологии (механизме) и средствах собирания, накопления, анализа, проверки и реализации доказательственной и иной уголовно-релевантной информации по уголовным делам [3].

Определяя познание в уголовном производстве как процесс добывания, осмысления и использования информации, с помощью которой и формируется знание о познаваемом объекте, В.А. Образцов делает следующее образное сравнение: «Информация – это воздух, а информационные процессы – кровеносные сосуды указанной деятельности. Чем чище, качественнее, насыщеннее “кислородом” информационные потоки, чем шире и надежней информационный массив, тем эффективней идет процесс

принятия и реализации правильных, адекватных складывающимся ситуациям правовых и криминалистических решений на всех стадиях уголовного судопроизводства, на всем огромном пространстве «Куликова поля» битвы за информацию» [4].

Как правильно подчеркивали в свое время Р.С. Белкин и А.И. Винберг, для характеристики информационной сущности познания в уголовном судопроизводстве прежде всего «необходимо определить само понятие информации вообще и доказательственной информации в частности» [5].

Понятие «информация» в различных отраслях научного знания (философии, кибернетике и др.) трактуется по-разному. Изучение соответствующих литературных источников показывает, что при всех различиях во взглядах на данный феномен большая часть исследователей склоняется к мнению, что информация – это сообщения, сведения о чем-либо (о фактах, событиях, процессах и т.д.). Так, В. Ровенский, А. Уемов и Е. Уемова полагают, что информация – «это сообщение о событиях, происходящих как во внешней, по отношению к системе, среде, так и в самой системе» [6].

Анализ действующего законодательства показывает, что:

1) информацией является совокупность предназначенных для передачи формализованных знаний и сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от форм их представления;

2) правовой защите подлежит любая документированная информация, т.е. информация, облеченная в форму, позволяющую ее идентифицировать;

3) документированная информация является объектом гражданских прав и имеет собственника;

4) информация может быть конфиденциальной, ознакомление с которой ограничивается ее собственником или в соответствии с законодательством, и массовой, т.е. предназначенной для неограниченного круга лиц;

5) ограничения (установление режима) использования информации устанавливаются законом или собственником информации, которые объявляют степень (уровень) ее конфиденциальности [7].

Исследуя роль информации в управлении, А.Г. Мамиконов обращает внимание на то, что понятие «информация» может быть истолковано как некоторая совокупность сведений (сообщений), определяющих меру наших знаний

о тех или иных событиях, фактах и их взаимосвязях [8].

Подобный взгляд на информацию корреспондируется со словарным определением данного понятия, которым обозначаются сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами, сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-либо [9], а главное – с тем, какое содержание вкладывается в это понятие в УПК РФ, в каком смысле оно трактуется в ряде норм данного законодательного акта.

Так, в статье 74 УПК РФ («Доказательства») говорится о сведениях, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. В определениях показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля (статьи 76–79 УПК РФ) также содержится указание на сведения, которые сообщаются указанными лицами на допросе. В приведенном в статье 140 УПК РФ перечне поводов для возбуждения уголовного дела в качестве одного из них называется сообщение о совершенном или готовящемся преступлении. В части второй этой же статьи записано, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Статья 143 УПК РФ («Репорт об обнаружении признаков преступления») содержит указание на источник информации, а в статье 144 УПК РФ («Порядок рассмотрения сообщения о преступлении») говорится о сообщении о преступлении, а также данных о лице, представившем информацию в средства массовой информации. Со слов «информация об отказе в возбуждении уголовного дела...» начинается текст части 3 статьи 140 УПК РФ об обязательном опубликовании решения, принятого по результатам проверки сообщения о преступлении, распространенного средствами массовой информации.

В отечественной криминалистике постсоветского периода слово «информация» всё шире используется как обобщающее понятие, охватывающее такие, например, ее виды, как доказательственная, оперативно-розыскная, следственная, ориентирующая, правовая, научная, регистрационная, статистическая, поисковая информация.

Так, понятие «оперативно-розыскная информация» прочно вошло в лексикон и криминалистов и авторов, исследующих различные аспекты теории и практики оперативно-розыскной деятельности [10; 11].

Всё чаще к понятиям «информация», «оперативно-розыскная информация» обращаются и специалисты в области уголовно-процессуального доказывания. Например, в одной из книг последних лет говорится, в частности, об использовании информации, которой обладают участники процесса; об использовании информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности; о нетрадиционных методах получения информации о преступлении и преступнике [12].

Развитию данной тенденции, по всей видимости, способствовало принятие Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», определившего информацию как сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах [13].

Однако, как и прежде, что вполне понятно и оправданно, под первым номером в языке научной и практической криминалистики значится понятие «доказательство». Между тем, нельзя не учитывать, что данное понятие не является универсальным, всеобъемлющим с рассматриваемой точки зрения. Оно имеет отношение пусть и к главной, но всё же лишь к части информации, функционирующей в уголовном процессе, и лишь к той сфере изучаемой в криминалистике реалии, которая называется процессуальным доказыванием. Понятие «доказательство» (доказательственная информация) – не синоним понятия «информация», собираемой, исследуемой, проверяемой, оцениваемой и используемой в уголовном процессе, поскольку оно не включает в себя многие другие юридически и криминалистически значимые виды и разновидности информации.

В свое время А.И. Трусов подчеркивал, что доказывание по уголовным делам представляет по своей сути информационный процесс, т.е. процесс получения, хранения, передачи и переработки информации в целях решения задач уголовного судопроизводства. Доказательство, по его мнению, является разновидностью сигнала [14].

В данной, в целом правильной, конструкции, на наш взгляд, отсутствуют два важных звена финальной части указанного процесса. Имеется в виду пробел, без восполнения которого процедура доказывания представляется незавершенной, пробел, заключающийся в отсутствии указаний на проверку и использование доказательственной информации.

Этот же недостаток, как думается, присущ и определению предварительного расследования,

сформулированному И.М. Лузгиным. Данный автор рассматривает расследование как познавательный процесс, основанный «на собирании и переработке следователем информации, под которой понимаются сведения о фактах» [15].

Анализ указанных работ и ряда работ других авторов [16; 17, с. 175], нормативных и других источников позволяет прийти к следующим выводам:

1) уголовно-процессуальное доказывание представляет собой процесс собирания, накопления, мысленной переработки, оценки, проверки, передачи и использования доказательственной информации (доказательств) в целях уголовного судопроизводства;

2) доказательство представляет собой специфического вида сигнал или сообщение в единстве его содержания, источника, формы и порядка получения, установленного уголовно-процессуальным законом;

3) доказательственная информация – это приобретшие статус доказательства сведения относительно обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Еще в конце 60-х годов прошлого столетия А.И. Винберг и Р.С. Белкин в одной из своих книг поставили такой вопрос: «Исчерпывает ли доказательственная информация весь объем информации, поступающей к следователю и используемой им при работе по делу?». И сами же ответили: «Думается, что на этот вопрос следует ответить отрицательно» [17, с. 181].

Жизнь, последующие научные исследования полностью подтвердили правильность этой позиции, которые Р.С. Белкин и А.И. Винберг аргументировали следующими положениями.

1. Подобно тому, как доказывание не исчерпывает содержания расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, так и доказательственная информация не является единственным видом информации, с которой имеет дело следователь. Помимо процессуальных действий по собиранию, исследованию и оценке доказательств он осуществляет целый комплекс организационных, розыскных и иных мероприятий, обеспечивающих доказывание, но лежащих за его рамками. В процессе этих мероприятий следователь также получает и перерабатывает определенный объем информации, но эта информация не является доказательственной, ибо ее источником служат не изменения в среде (доказательства), и самой этой информацией еще ничего не доказывается. С помощью этой информации следователь, как и суд, ориентируются в явлениях, фактах, так или иначе связанных с исследуемым

событием, но не входящих в предмет доказывания. (Имеются в виду сведения о месте нахождения возможных носителей доказательственной информации и их характере, об условиях, в которых придется осуществлять процессуальные действия по работе с доказательствами, о содержании производственных или иных процессов, с которыми связано возникновение доказательств, и т.п.) По своей сущности все эти сведения могут быть названы *ориентирующей информацией*, а их получение может быть осуществлено как процессуальным, так и непроцессуальным путем.

2. Если обнаружение доказательств возможно только при производстве специально предусмотренных законом следственных и судебных действий, то получение ориентирующей информации – это результат деятельности не только следователя, но и оперативного работника милиции, специалиста и иных лиц, предоставляющих такую информацию следователю. Основным каналом получения такой информации являются оперативно-розыскные меры, осуществляемые органом дознания, которые применительно к процессу доказывания играют роль средства получения ориентирующей информации.

3. Содержанием ориентирующей информации, полученной из непроцессуальных источников, могут быть:

а) указание на объекты – возможные «хранилища» доказательственной информации: их характер, местонахождение, способы получения от них источников доказательств, наиболее целесообразные приемы процессуального использования;

б) сведения о возможном поведении участников процесса доказывания на следствии и в суде;

в) ориентирующие данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, позволяющие решить вопрос о выборе наиболее эффективных средств доказывания, тактических и технических приемов собирания доказательств;

г) сведения, позволяющие правильно оценить собранные по делу доказательства [17, с. 181–182].

Фундаментальные мысли и идеи Р.С. Белкина и А.И. Винберга, которых мы коснулись выше, были «приняты на вооружение» лишь некоторыми специалистами, оставаясь как бы в стороне от основных научно-исследовательских дорог. Наиболее полно они были восприняты и развиты лишь спустя четверть века в работах В.А. Образцова [18; 19]. Так, в одной из своих книг он писал: «В доказывании по уголовным делам основной является доказательственная информация.

Вместе с тем, как и в других видах практического следоведения, при этом собирается и принимается во внимание вспомогательная информация (она содержится в образцах, используемых в сравнительном исследовании) и ориентирующая информация. Последний вид информации может содержаться в анонимках, в материалах оперативно-розыскной деятельности, в памяти субъектов поисково-познавательной деятельности (например, сведения, почерпнутые в ходе каких-либо действий, оставшиеся за рамками составляемых документов, в частности в случае наблюдения за реакциями допрашиваемого на поставленные вопросы» [20].

Не ограничиваясь разработкой информационной сущности, информационных аспектов процесса доказывания, В.А. Образцов, по нашему мнению, вполне обоснованно перенес положения вышеуказанных авторов на весь процесс поисково-познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве, включая ее исходный этап на стадии возбуждения уголовного дела. По его мнению, хотя ориентирующая информация выступает для следователя, прокурора, других субъектов познания и уголовного преследования в качестве информации к размышлению, она имеет огромное организационно-тактическое и управленческое значение, что наиболее отчетливо проявляется при решении задачи выявления преступления в стадии возбуждения уголовного дела [21; 22].

Как показывает анализ ряда норм УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, полученные дознавателем, следователем в установленном порядке, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Речь идет о сведениях, содержащихся в различных указанных в законе источниках (см. статьи 74, 76–81 УПК РФ и др.): в показаниях подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в заключении и показаниях эксперта, вещественных доказательствах и т.д.

Из этого следует, что уголовно-релевантной, т.е. значимой для уголовного судопроизводства, является любая доказательственная информация. Уголовно-релевантной может быть и иная информация, но при условии, что она является полезной для решения правовых, организационно-тактических и управленческих задач, имеет отношение к исследуемым событиям, способствует оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве. Особенно велика роль в деле собирания и проверки уголовно-релевантной информации как имею-

щей доказательственное значение, так и не имеющей данного значения, оперативно-розыскной информации, хотя, как и любая информация к размышлению, она сама нуждается в проверке и перепроверке следственным путем.

Оперативно-розыскная информация является разновидностью социальной информации. Ее своеобразие определяется спецификой целей получения (борьба с преступностью), методов получения и режима использования, обеспечивающего конспирацию, надежную зашифровку источников, возможностью проверки сообщаемых сведений и их применения только заинтересованными работниками. Оперативно-розыскная информация играет значительную роль в процессе доказывания, поскольку «определяет вещи, предметы, факты, которые могут быть доказательствами; обладает теми сведениями, которые представляют собой содержание доказательств; указывает на людей, документы, которые становятся источниками доказательств» [23; 24].

Итак, под уголовно-релевантной информацией, на наш взгляд, следует понимать самые различные сведения, имеющие значение для выявления и раскрытия преступлений, изобличения и уголовного преследования виновных лиц и решения других задач в уголовном судопроизводстве.

Важной особенностью уголовно-релевантной информации является то, что она обладает таким свойством, как функциональная полисемия. Выступая вначале познавательного процесса в роли предмета собирания, она затем приобретает статус предмета проверки, подчас многократной перепроверки, и, будучи проверенной, становится средством решения других поисково-познавательных, в том числе очередных проверочных задач и до и после возбуждения уголовного дела.

Положение о том, что качество научных исследований в значительной мере определяется эффективностью используемых классификаций, относится к числу общепризнанных положений [25; 26]. Научные классификации осуществляются в форме деления объема понятий, а не самих отображаемых ими реально существующих предметов, веществ, свойств, признаков и других объектов [27].

Классификация объекта исследования – необходимое условие эффективного познания изучаемого объекта. Она служит важным средством проникновения в его глубинные, базисные слои, обеспечения продуктивного движения мысли исследователей от исходного целого к образующим его частям и от них снова к целому для выявле-

ния закономерностей, знание которых необходимо для его научного объяснения и описания [28].

Многообразие уголовно-релевантной информации, вовлекаемой в процесс познания в досудебном производстве, предопределяет необходимость осуществления ее четкой, многовариантной научной классификации. Успешное решение этой задачи особенно важно в современных условиях, когда основы криминалистического учения о проверке достоверности указанной информации делают лишь первые шаги на пути своего становления. Между тем, в теории криминалистики этому вопросу уделено явно недостаточно внимания.

Даже в таком фундаментальном труде, как «Курс криминалистики» Р.С. Белкина [29], в котором наряду с другими проблемами рассмотрены различные криминалистические классификации, о классификации доказательственной и иной уголовно-релевантной информации ничего не сказано. Свою позицию по поводу этой проблемы Р.С. Белкин весьма лаконично изложил лишь в другой своей работе – в «Криминалистической энциклопедии». В этой работе он приводит только одну классификацию, подразделяя криминалистически значимую информацию на доказательственную и ориентирующую. Правда, далее он совершенно обоснованно говорит о том, что криминалистически значимой может быть любая информация любой природы [30].

Значительно больше внимания классификации криминалистически значимой информации уделил Н.С. Полевой. Предложенная им система включает в себя ряд групп классификационных построений информации:

- по структурным элементам события преступления (субъектная, объектная, модальная);
- по форме представления (вербальная, буквенно-знаковая, цифровая, графическая, магнитная запись, иная);
- по характеру структуры (натуральная, нормализованная, формализованная, иная);
- по носителю и источнику получения (гомологическая, предметная, документальная);
- по физической природе (зрительная, слуховая, вкусовая, осязательная, обонятельная);
- по назначению (познавательная, управленческая);
- по процессуальному значению (ориентирующая, доказательственная).

Рассмотренная достаточно развернутая классификация уголовно-релевантной информации при всей ее значимости не представляется нам системой, безупречной во всех отношениях. Так, группа, элементами которой являются зритель-

ная, слуховая и иная информация, по мнению Н.С. Полевого, выделена по такому основанию, как особенность физической природы информации. На самом же деле в этом случае в качестве основания классификации выступает способ восприятия информации – зрительной, слуховой и иных разновидностей органолептического метода познания.

Как поясняет Н.С. Полевой, субъектная информация характеризует анатомические и психические особенности субъекта преступления, объектная информация – качество и строение материальных предметов, связанных с событием преступления, а модальная – особенности способа действий субъекта преступления и обстановку, в которой оно совершено [31, с. 39].

Думается, что эта классификация может быть дополнена еще одним звеном, также имеющим прямое отношение к информации, характеризующей преступление. Имеется в виду информация, связанная с такими элементами преступления, в роли которых выступают не люди или предметы, а понятия – цель, мотив и т.д. Условно ее можно назвать понятийной. Кроме того, в группе объектной информации целесообразно выделение информации, характеризующей жертв преступления, поскольку человек образует особый вид предмета преступления, а также информации, характеризующей жидкие, газообразные и иные вещества, поскольку вещь (предмет) и вещество – совсем не одно и то же. В группе информации, выделенной по признакам носителя и источника получения, в качестве элементов (разновидностей) указаны гомологическая, предметная и документальная информация. К категории гомологической информации Н.С. Полевой относит информацию, характеризующую живых лиц, трупы людей, останки трупов, физиологические выделения живых лиц. В этом случае, на наш взгляд, нарушено одно из правил формальной логики – члены деления должны исключать друг друга. Между тем в эту группу включена часть информации, характеризующей и предметы, и вещества (трупы, выделения организма и т.д.), т.е. элементы другого члена деления – предметная информация.

Ряд классификаций Н.С. Полевого позднее включил в свою работу Н.П. Яблоков (субъектную, объектную, модальную информацию и др.), в то же время он предложил разделить информацию на доказательственную и иную криминалистически значимую, на идеальную и материальную [31, с. 36] (под материальной информацией некоторыми философами понимается отражение материального мира (разнообразие), происходя-

щее вне человека и независимо от сознания человека. Отражение материального разнообразия в сознании человека представляет собой идеальную информацию) [32].

Весьма разнообразные классификации уголовно-релевантной информации предложены в работах В.А. Образцова. По его мнению, классификация отражательной информации может осуществляться по различным основаниям в рамках двух подходов: 1) по признакам самой информации и по отношению ее к особенностям и элементам порождающего ее события; 2) по отношению к признакам познающей системы, т.е. поисково-познавательной деятельности.

Таким образом, все классификационные построения в их целостном виде могут быть представлены в виде системы, состоящей из двух частей (блоков). В свою очередь, каждая из этих частей подразделяется на отдельные группы.

В рамках первой из упомянутых подсистем (по признакам информации) выделено несколько относительно автономных структур по следующим основаниям:

- по видам познаваемых событий: информация о преступлениях – информация о других познаваемых событиях;
- по содержанию: достоверная информация – дезинформация (ложные, заведомо искаженные сведения);
- по объему: полная (исчерпывающая) – неполная информация;
- по форме отображения: идеальная (психическая) информация – материально фиксированная информация;
- по физической природе: зрительная, слуховая, вкусовая, осязательная, обонятельная;
- по степени доступности: общедоступная – ограниченно доступная;
- по сфере распространения: информация для широких кругов населения – информация для отдельных категорий пользователей;
- по социальному статусу: официальная – неофициальная;
- по режиму использования: открытая – закрытая (конфиденциальная);
- по природе: натуральная – модельная;
- по уровню восприятия: очевидная – скрытая;
- по форме представления: вербальная, буквенно-знаковая, графическая, цифровая, магнитная запись, иная;
- по элементам события: субъектная, объектная, иная;
- по видовому распределению носителей информации: личная (гомологическая), пред-

метная, документальная, а также информация, содержащаяся в наркотических, радиоактивных и иных веществах;

– по виду источников: информация первоисточников – информация производных источников.

В свою очередь, указанные группы информации подвергнуты самостоятельной классификации.

В группе необщедоступной информации выделена, в частности, информация, составляющая государственную, коммерческую, следственную тайну. А в группе информации для отдельных категорий пользователей – информация для служебного пользования, информации с грифами «секретно» и «совершенно секретно».

Весьма разветвленной является классификация информации по ее отношению к системе поисково-познавательной деятельности (ППД). Множественность признаков последней предопределила множественность классификационных построений. В качестве базовых при этом приняты классификации информации по видам, функциям и этапам поисково-познавательной деятельности.

На этой основе выделена информация, собираемая и используемая в оперативно-розыскной, следственной, экспертной деятельности и т.п., информация, способствующая достижению целей в рамках поисковой, познавательной функций, а также функций уголовного преследования, пресечения, профилактики преступлений. С учетом деления ППД на три этапа, информация разделена на собираемую на начальном, промежуточном и заключительном этапах практического следования.

Различные классификации В.А. Образцовым построены применительно к отдельным элементам структуры ППД (субъектам, целям, задачам, методам и т.д.). Так, по назначению выделены поисковая, познавательная, организационная, управленческая информация; обвинительная, оправдательная, нейтральная информация. По участникам уголовного судопроизводства выделена, например, информация, собираемая следователем, специалистом, потерпевшим, защитником, обвиняемым, работником органа дознания. Наряду с этим предложены деления информации на анонимную информацию и полученную из известного источника; процессуально зафиксированную и не нашедшую отражения в документах; полученную процессуальным путем и по оперативным каналам; зарегистрированную и скрываемую от учета; воспринимаемую с помощью органов чувств и воспринимаемую лишь

на основе применения специальных технических средств, устройств, аппаратуры.

В отдельную группу выделены классификации, строящиеся применительно к отдельным элементам познаваемого деяния [33].

Положения концепции В.А. Образцова и разработанные на их базе классификации уголовно-релевантной информации отличаются в позитивном отношении от позиций других авторов по тому же поводу двумя важными моментами. Во-первых, им рассмотрены как общие, так и частные классификации указанного объекта. Во-вторых, в структуре общих классификаций не только выделена классификация отражательной (следовой) информации, которой ограничились другие исследователи, но и показана необходимость классификации общесоциальной, неотражательной информации.

При всех достоинствах концепции классификации уголовно-релевантной информации, предложенной В.А. Образцовым, и построенных на ее базе различных вариантов классификационных структур, ему, как нам кажется, не удалось до конца преодолеть недостатки предшествовавших классификаторов. И главное заключается в том, что в основной своей части высказанные идеи и сформулированные положения ориентированы на процесс, во-первых, только собирания и реализации криминалистически значимой информации; во-вторых, на решение указанных задач в стадии предварительного расследования. За чертой внимания указанного и других авторов, таким образом, оставлены проблемы связи уголовно-релевантной информации с деятельностью в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, то, что сделано в области классификации рассматриваемой информации, не увязано с задачей проверки достоверности данной информации. Поэтому в литературе нет указаний, например, на деление информации на ту, что проверена, и на ту, что не проверена либо находится в стадии проверки; на подтвержденную и неподтвержденную информацию, на некоторые другие классификации в свете теории и практики проверки достоверности информации. В частности, не просматривается в рассмотренных работах и классификация исследуемого объекта по способу проверки достоверности информации (проверяемая оперативно-розыскным способом, следственным путем, на основе экспертного исследования).

Таким образом, классификация уголовно-релевантной информации может быть осуществлена по различным основаниям. В качестве таких оснований могут быть использованы соб-

ственные и привнесенные признаки информации, а также признаки типа связей и отношений. Так, по процессуальному статусу она подразделяется на доказательственную и ориентирующую, по отношению к истине – на достоверную (истинную) и недостоверную (ложную), по связи с воздействием на нее – на подлинную (оригинальную) и измененную, по связи со стадиями досудебного уголовного производства – на проверяемую в стадии возбуждения уголовного дела и проверяемую в стадии предварительного расследования, по источнику – на полученную от людей, полученную из документов и полученную из других источников.

Всё это – общие классификации. Частные же классификации строятся путем внутренней группировки элементов общих классификаций.

Так, доказательственная информация может быть разделена на части, исходя из учета особенностей источников доказательств (показания, заключения экспертов и т.д.), применительно к этапам расследования (доказательства, собранные и проверяемые на первоначальном, промежуточном и заключительном этапах расследования), по видам следственных действий (информация, полученная при допросе, при производстве осмотра места происшествия, обыска и т.д.).

Уголовно-релевантная информация содержится и во многих проявлениях криминальной субкультуры. Профессиональные преступники всех государств имеют специальный жаргон и иные способы тайных сношений (с помощью звуков, условных знаков, татуировок, жестов, мимики, шифрованного письма, тайнописи, дающих им возможность общаться друг с другом незаметно для окружающих или так, чтобы никто из непосвященных не в состоянии был их понять [34].

Существуют различные обозначения совокупности обрядов, ритуалов, правил поведения, жаргонов, выработанных преступной средой, определяющих стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей.

В литературе встречаются такие термины, как «тюремная субкультура», «криминальная субкультура», «криминальная контркультура» и т.д. «Под криминальной субкультурой в современном обществе следует понимать особый вид культуры, возникающий в местах лишения свободы и поддерживаемый профессиональными преступниками на протяжении веков; он объединяет лиц, постоянно совершающих преступления, в том числе находящихся в тюремных учреждениях, противопоставляя их культуре общества» [1, с. 9].

А.Н. Олейник пишет, что тюремная субкультура включает нормы, традиции, ритуалы, жаргоны и жесты [35]. «Татуировки у преступников не только своеобразное украшение тела и средство самоутверждения в преступной среде, но и своеобразный способ общения. Татуировка для преступника – способ информации или, как говорят англичане, возможность показать «кто есть кто». Татуировки у преступников – это своеобразная анкета, паспорт (табель о рангах)» [36].

В своей деятельности сотрудники правоохранительных органов должны учитывать информацию о субкультуре. Особенно это важно при проведении освидетельствования, опознания, допроса.

Литература

1. Донских Д.Г. Противодействие криминальной субкультуре в обществе (криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. – М., 2010. – С. 3; 9.
2. Абрамкин В., Чижов Ю. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. – Красноярск : Восток, 1992. – 192 с.
3. Кручинина Н.В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе. – М. : Вердикт-1М, 2003. – С. 13.
4. Образцов В.А. Криминалистика : курс лекций. – М., 1996. – С. 57.
5. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М. : Юрид. лит., 1969. – С. 167.
6. Ровенский В., Уемов А., Уемова Е. Машина и мысль. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 69.
7. Крылов В.В. Информационные преступления – новый криминалистический объект // Российская юстиция. – 1997. – № 4.
8. Мамиконов А.Г. Управление и информация. – М. : Наука, 1975. – С. 83.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1973. – С. 233.
10. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1991.
11. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М., 2000.
12. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М. : Юристъ, 2000. – С. 22–108.
13. Сборник законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 8. – Ст. 609.
14. Трусов А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. – М. : Наука, 1967. – С. 20–21.

15. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания : дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1968. – С. 328–334.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973.
17. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М. : Юрид. лит., 1969. – С. 175.
18. Образцов В.А. Криминалистика. Цикл лекций по новой программе курса. – М. : Юрикон, 1994.
19. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. – М. : Юрист, 1995.
20. Образцов В.А. Основы криминалистики. – М. : Юристь, 1996. – С. 31.
21. Образцов В.А. Криминалистика. Курс лекций. – М., 1996.
22. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. – М. : Юристь, 1997.
23. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. – М. : ИНФРА-М, 2000. – С. 21.
24. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Ю.А. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – С. 616.
25. Воронин Ю.А. Теория классифицирования: надежда и действительность. – Новосибирск, 1981.
26. Мейер С.В., Шнейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. – 1976. – № 12. – С. 67–79.
27. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. – М., 1987. – С. 130.
28. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск, 1998. – С. 5.
29. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 2001.
30. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 1997.
31. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1995. – С. 39.
32. Урсул А.Д. Отражение и информация. – М., 1973. – С. 179.
33. Криминалистика : учебник для юридических вузов / под ред. В.А. Образцова. – М., 1999. – С. 84–85.
34. Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю.П. Дубягина, А.Г. Бронникова. – М. : Интер-ОМНИС, 1991. – С. 4.
35. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М. : ИНФРА-М, 2010. – С. 13.
36. Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю.П. Дубягина, А.Г. Бронникова. – М. : Интер-ОМНИС, 1991. – С. 4.